Валерий Окулов

В «гравитационном колодце»

Часть сборника
Русская фантастика – 2017. Том 1 (сборник)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Выход в свет книжного издания романа Роберта Ибатуллина „Роза и червь“ немного оживил надежды любителей/читателей прежде всего „НФ“, хотя вызвал маленький всплеск старого спора о дефинициях. В современных терминах это не совсем НФ, оказывается, а „космоопера“ с чертами „новой космооперы“…»

- Валерий Окулов
  - ○

Валерий Окулов
В «гравитационном колодце»

(Реферативные инсинуации об отечественной НФ)

Выход в свет книжного издания романа Роберта Ибатуллина «Роза и червь» немного оживил надежды любителей/читателей прежде всего «НФ», хотя вызвал маленький всплеск старого спора о дефинициях. В современных терминах это не совсем НФ, оказывается, а «космоопера» с чертами «новой космооперы»! Опять заговорили о «возрождении» НФ, роман получил две премии, был номинирован на премию «Новые горизонты». Но – как написал в отзыве член жюри этой премии известный критик Валерий Иванченко:

«По большому счету, «Роза и червь» – обычный научно-фантастический роман, каких при нормальном положении вещей должно появляться за год с десяток. Однако на тусклом фоне нынешней жанровой литературы он блистает так, что трудно его не заметить. Да, он во многом уступает лучшим образцам, даже отечественным. Но Ибатуллин побивает всех своей основательностью (тем, что я называю «высоким бюджетом»). Совершенный им выход за существующий горизонт (пусть даже тот горизонт низок и близок) следует всячески приветствовать и вознаграждать».

Как же так случилось, что «обычный НФ-роман» ныне называют в России достижением, «выходящим за горизонт»? Можно попытаться проследить этот невеселый путь.

В самом большом по территории государстве третьей планеты системы звезды по имени Солнце полвека назад большой популярностью пользовалась «научная фантастика». Что это за явление, не только тогда, но и сейчас толком объяснить никто не мог и не может. Тогда была принята «литературной общественностью» такая формулировка:

«НФ – условное обозначение обширной отрасли художественной литературы, базирующейся на современном уровне научного познания и осмысления действительности, широко пользующейся методикой науки – моделированием явлений приемом мысленного эксперимента. Поэтика НФ родственна поэтике романтизма: необычные ситуации, контрастность красок, экзотичность обстановки… Характерный

персонаж – смелый, энергичный, умный человек, изображенный как типичный представитель мыслящего человечества». (Из статьи А. Г. Громовой в пятом томе «Краткой литературной энциклопедии», 1968 год.) В начале шестидесятых годов никто из советских писателей-фантастов, даже при большом желании, не мог ориентироваться на эти, еще не сформулированные положения (разве что сама Ариадна Григорьевна), но писали они в основном фантастику именно такого плана. И как писали, к примеру, в 1963 году вышло всего три десятка книг, а имена их авторов вписаны в историю отечественной НФ. Бердник, Варшавский, Войскунский и Лукодьянов, Гансовский, Гор, Громова, Гуревич, Днепров, Емцев и Парнов, Ефремов, Журавлева, Крапивин, Мартынов, Михайлов, Полещук, Росоховатский, Стругацкие, Тендряков, Шалимов. Хотя почти тогда же классик американской «сайнс-фикшн» Альфред Бестер написал о фантастике англоязычного мира: «В наше время НФ убивают незрелость, неадекватность и топорность подходов» – советских читателей это никак не касалось, ведь из англо-американской НФ в СССР с 1960 года переводили чуть ли не самое лучшее.

Но еще с конца шестидесятых годов прошлого века некоторые советские фантасты и критики ратовали за то, чтобы «научная» из термина НФ убрать (тем самым «завоевав новые пространства»), да и ручеек переводной фантастики превратить в полноводный поток. «Благими намерениями вымощена дорога в ад» – кто ж не знает крылатого выражения. По-другому – за что боролись… Книг просто «фантастики» ныне выходит масса – не то что прочесть, отследить их все нереально. Каждый год (несмотря вроде бы на перманентное обострение «кризиса») около тысячи новых книг. Сколько из них можно отнести к научной фантастике – сказать точно невозможно, но можно прибегнуть к методу приблизительной экстраполяции. В журнале «Мир фантастики» при рецензировании обязательно определяется «поджанр» произведения, так что если просмотреть годовой комплект, можно определить, как часто встречается НФ среди космо– и хроноопер, социальной и юмористической фантастики, боевиков, всяческих фэнтези, дизельпанк-мистики и т. п. В ста шестидесяти рецензиях 2013 года на отечественную фантастику – всего четыре-пять раз. Снисходительные отзывы о сборнике Александра Громова «Звездная вахта» и антологии «Русская фантастика 2013», рецензии на «военно-приключенческую НФ» «Дикари Ойкумены» Г. Л. Олди и «юмористическую НФ» «Я и мой капитан» Артема Морозова. «Объекты в зеркале заднего вида» Олега Дивова определены в рецензии как «фантастика ближнего прицела».

Конечно, все эти дефиниции на совести рецензентов, ведь совершенно четкое разделение невозможно в принципе. Но все же место НФ на пространствах «Страны Фантазии» приведенная статистика в какой-то мере показывает. Опять же (в какой-то степени) от такого положения дел и заниматься НФ и фантастикой становится с каждым годом все менее почтенным занятием. Вот что написал один из самых умных (хотя и не совсем научных) современных фантастов Евгений Лукин: «Когда я впервые услышал фразу «А я люблю фантастику – над ней думать не надо», стало стыдно за свое ремесло». (И как тут не вспомнить фразу еще тридцатилетней давности некой советской учительницы: «Фантастику пишут жулики, а читают идиоты».) Именно поэтому литераторы из «боллитры» (то есть просто прозы), вторгнувшись в фантпространства, изо всех сил отнекиваются от причисления их к малопочтенной фантастической публике. А «научный фантаст» ныне (да с «лунным трактором») – чуть ли не ругательство! Стала научная фантастика сегодня в России не нужной никому, даже в «фантастическом гетто». Обрисовке этих прискорбных, на мой взгляд, обстоятельств и попытке объяснения их и пойдет речь в дальнейшем. О поисках же выхода из стагнации можно рассуждать только лишь гипотетически – «это фантастика».

Российская НФ не нужна читателям – первопричина нынешней ступени перманентного кризиса. Точнее, подавляющему (и совсем не молчащему) большинству современных отечественных читателей. Вот всего несколько слов из отзыва с интернет-ресурса «любителей фантастики» ФантЛаб: «Не любит наш читатель «твердую» НФ, ой не любит». Конечно, найдутся в русскоговорящем мире несколько сотен человек, которые с удовольствием прочтут на русском настоящий НФ-роман, да решают не они. А роман этот будет наверняка переводный – Паоло Бачигалупи, Ханну Райаниеми, Вернора Винджа, Р. Ч. Уилсона, Йена Макдональда, Питера Уоттса, Грега Игана. Недавно издательство «АСТ» даже вняло флюидам-пожеланиям, начав в конце 2015 года выпуск серии книг «Звезды научной фантастики» (тиражом 2000 экземпляров).

Подтверждение «тезису о ненужности» можно найти даже в статье, направленной как раз в защиту научности фантастики: «НФ – «золотое сечение» фантастики» Ярослава Верова и Игоря Минакова, увидевшей свет в журнале «FANтастика» в июне 2008 года. «Чтобы понять суть НФ, достаточно всего лишь рассмотреть аудиторию ее поклонников. Основной потребитель НФ во все времена – это ученые-естественники, ИТР, студенты соответствующих профильных вузов и, как ни странно,

высококвалифицированные рабочие (в советское время занятые все больше в сфере «оборонки»). А почему они? Очень просто. Навскидку приведем несколько характерных тем НФ: тайны Мироздания, возникновение и эволюция Вселенной и разума во Вселенной, пределы человеческого познания, пути развития цивилизации и конец истории, изменение человеческой природы и человеческого сознания, фундаментальные научные открытия и прорывные технологии, наука и этика. Иными словами, НФ *имеет дело с общенаучными, общефилософскими и общечеловеческими проблемами.* Эти проблемы она решает (или по крайней мере ставит) в художественной (а иногда и высокохудожественной) форме».

НФ в СССР была любимым чтением так называемой научно-технической интеллигенции, но в современной Российской Федерации таковая почти была «уничтожена как класс». Ученые с девяностых годов у нас все больше «псевдо», вместо ИТР менеджеры, а уж про подавляющее большинство студентов (которых стало даже больше) и говорить не хочется. Некоторые не знают, как разделить в уме 12 на 60, для них это сложная умственная операция, так чего же они голову ломать будут над «путями развития цивилизации». Веров – Минаков подтверждают: «Катастрофа 1991 года привела к резкому сокращению основного бранча поклонников НФ. И тенденция эта вовсе не остановлена. Фактически «уничтожена как класс» прослойка квалифицированных рабочих, разгромлена «оборонка», сосредоточившая в себе лучшие интеллектуальные кадры. Естественно-научное и инженерное образование сделалось непрестижным, а молодые ученые, получив дипломы, по-прежнему «смотрят на Запад» и туда же «линяют». На сто процентов оказался прав Борис Натанович Стругацкий, написавший в 1988 году: «НФ существует лишь до тех пор, пока продолжается эпоха НТР. Если проблемы НТР отошли на второй план, то неизбежно потеряется интерес к НФ-литературе».

НФ не нужна издателям – это автоматически вытекает из предыдущего. Если не раскупается трехтысячный тираж НФ-книги, какому издателю это понравится… Не только пропагандист научности фантастики и писатель, но и соучредитель издательства «Снежный Ком М» Глеб Гусаков так и не издал «Розу и червя», хотя некие переговоры с автором проводились. И вышла книга Ибатуллина, можно сказать, в неизвестном издательстве…

НФ «не нужна» и отечественным писателям! Еще Я. Дорфман в тексте «О НФ-литературе: Фельетон физика», опубликованном в журнале «Звезда» в далеком 1932 году, писал: «НФ-литература по

широте своих тем и многообразию вопросов требует от автора гигантской эрудиции, колоссальных знаний, поразительной способности ориентироваться в сложнейших научных и практических проблемах. Такого автора и быть не может…» Утрированное, как и положено в фельетоне, утверждение не так уж далеко от истины. Написать стоящий НФ-роман непросто. Когда писатели получали хоть в какой-то мере адекватный затратам отклик (морально-нравственный и материально-денежный), они «старались». Надеялись, что «не видно причин, препятствующих восхождению жанра НФ к литературному зениту третьего тысячелетия». Это написал автор известной «Лунной радуги», вышедшей почти четырехмиллионным тиражом, Сергей Павлов в 1988 году. Но когда его роман «Волшебный локон Ампары» (1997), продолжающий ту же линию, можно сказать не заметили, а издатели за него и не заплатили, писатель решил фантастикой больше не заниматься: «Не хочется плыть в этом чудовищно мутном грязном потоке… Из литературы для интеллектуалов фантастика превратилась в литературу для олигофренов. Участвовать в развитии этого процесса считаю для себя делом постыдным».

Совсем по другим, уже чисто коммерческим причинам не стали писать НФ с девяностых годов прошлого столетия сотни авторов. На протяжении нескольких лет критики писали, что вообще остался в России единственный «научный фантаст» – Александр Громов. Писатель долго и с честью оправдывал возложенное на него звание, но вот последняя его книга «Звездная вахта» вышла тиражом две тысячи экземпляров – думается, и он скоро бросит это непрестижное и совсем невыгодное занятие. Вот «проект» – другое дело, подтверждением чему и стал роман «Реверс», написанный в соавторстве с Сергеем Лукьяненко.

Нашлись несколько лет назад еще два писателя, которых не устраивала сложившаяся конъюнктура. Веров – Минаков выступили с настоящим манифестом не только в защиту НФ, но с призывом ее «возрождения» (в вышеупомянутой статье): «Приходится констатировать, что интерес к НФ упал во всем мире. В чем причина? Чаще всего приходится слышать ошибочное мнение, что наука, дескать, «загнивает», прорывных открытий нет, следовательно, наука перестала быть новой религией масс, от нее больше не ждут чудес и радикального улучшения жизни. Согласившись с последним утверждением, решительно опровергнем первое. Просто наука стала слишком сложна для обывателя, слишком стремительно развивается. Следовательно, и кризис НФ – прежде всего кризис мировоззренческий. Мы

считаем, что возрожденная НФ выведет русскоязычную фантастику из смертоносного штопора и вернет ее на звезды! И пусть необходимость возрождения НФ не аксиома, а теорема, в этой статье мы попытаемся доказать ее. Может сложиться впечатление, что мы ратуем исключительно за НФ, отказывая в праве на существование всем иным направлениям. Это не так. Мы считаем, что фантастика должна быть не только хорошей, но и разной. Изъятие из фантастического арсенала того или иного направления лишь обедняет духовную, а равно и интеллектуальную жизнь общества. И уж тем более – исчезновение научной фантастики, которое происходит буквально на наших глазах!»

Как и следовало ожидать, восторгов эта «прокламация» не вызвала. Вот, к примеру, отзыв о статье с фантлабовского ресурса (в сокращении) Владимира Пузия – Аренева (единого в двух ипостасях критика-писателя): «Если даже закрыть глаза на перлы наподобие: «Разговоры о кризисе научной фантастики столь же вечны, как и она сама», – статья больше о себе и для себя-любимых. Авторам не хватило (чего именно – подставить по вкусу), чтобы даже сформулировать нормальное определение НФ… Вообще с представлением о жанрах у авторов все очень плохо… С моей точки зрения, статья демонстрирует полную беспомощность авторов как аналитиков и незнание ими т. н. «матчасти». Другое мнение с ФантЛаба: «В качестве критиков Веров и Минаков на голову выше себя же, но в качестве писателей. Вот и эта статья, программная для авторов, дает богатый простор для размышлений. С рядом постулатов авторов нельзя не согласиться. Другие же вызывают у меня решительное неприятие. Итак, в центре внимания авторов – кризис в отечественной научной фантастике. Авторы рассматривают это явление с разных сторон. Удачным кажется мне анализ социальных основ этого кризиса, попытка объяснить проблемы НФ изменением общественных целей, интересов, размывание слоя инженерной интеллигенции и высококвалифицированных рабочих, представлявших собой основных потребителей НФ. С другой стороны, критика современной фантастики, особенно представителей шестой волны, кажется мне неоправданно жесткой и необоснованной. Согласно выводам самих же авторов, совершенно закономерным является тот факт, что именно гуманитарно ориентированная, я бы сказал, экзистенциалистская фантастика сейчас гораздо востребованней классической НФ. Кстати, большой ошибкой авторов, впрочем, достаточно типичной, является отказ в научности, например, альтернативной истории. Действительно, в этом жанре немало поделок, но есть и

весьма качественные произведения. Впрочем, авторы вообще скептически относятся к гуманитариям. Ну а наиболее ярким противоречием между позицией Верова – Минакова как критиков и как авторов стал вывод к статье. Весь проведенный анализ весьма убедительно приводит к тезису о том, что в ближайшее время отечественная НФ как разновидность фантастики будет востребована слабо, что интерес к ней падает как со стороны авторов, так и со стороны читателей. Но смириться с этим фактом авторы не могут и выражают ни чем не подкрепленный оптимизм по поводу будущего НФ».

Полвека назад писатели-фантасты (тогда еще молодые) Аркадий и Борис Стругацкие также поставили себе цель сломать существовавшие тенденции, но делать это они стали конкретными произведениями, а уж потом статьями-декларациями! Веров и Минаков предпочли действовать «комплексным» методом, в том же 2008 году выпустив романную дилогию «Десант на Сатурн» и «Десант на Европу». Посмотрим, что там, хотя бы в первой книге: механорги и ультралуддиты, всеведущая кибер-«Ирма» и люди-«овощи», трикстеры и механтропы, биокибернетический «Наладчик» и Терминатор, беспилотники и «Абаканы» – все это больше похоже на боевик. «Скушно, девочки…» Фобос, Марс, Сатурн, «Рой» – весь этот космос лишь антураж. Книга неплохо бы смотрелась лет тридцать назад, один из читателей неспроста назвал ее в отзыве «винегрет в стиле Головачева». Другой так и определил ее «поджанр» – фантбоевик, но отметил осведомленность авторов в области физики и программирования. Правда, есть и такое мнение: книгу можно отнести к НФ, наука здесь одно из «действующих лиц». Разнобой в мнениях объясняется не только разными читательскими предпочтениями, авторы сами не выполнили своих же «установок», написали не совсем «научную фантастику».

«В фантастической литературе Космос «осваивается» двумя направлениями: собственно НФ и так называемой космической оперой (под последней мы также подразумеваем фантастический боевик и реваншистскую, или имперскую, космическую фантастику). Нередко приходится слышать, что между ними нет принципиальной разницы; что космоопера лишь ухудшенный вариант космической НФ. Мы рискнем предположить, что это не так. И космоопера может быть написана на достойном литературно-художественном уровне, и космическая НФ может оказаться образчиком дурного вкуса в литературе. Так в чем же дело? Да, собственно, все в том же – в принципиальном несовпадении авторских задач». Хотя дилогия получила несколько фантпремий, «читательские массы» без восторгов

встретили эти и последующие произведения «возрожденцев» (как их стали называть). Лишь несколько повестей и романов вызвали интерес как критиков, так и большой группы читателей, а не только «фэнов» ИМЯВ (И. Минакова – Я. Верова) и возглавлявшего группу до 2014 года писателя и популяризатора космонавтики Антона Первушина, откликнувшегося на их «пламенный призыв»:

«…Хочется верить, что возвращение на звезды нашей фантастики состоится. Ведь если Россия и другие бывшие республики бывшего СССР и впрямь достойны быть ведущими игроками на мировой арене, они должны возродить фундаментальную и прикладную науку, воссоздать инженерно-технический корпус, сделать втузовское образование престижным. И скорее всего, это произойдет, потому что другого выхода нет. И тогда потребность в НФ возрастет… Может, не ждать, когда наши страны вновь станут великими? Может, начать движение навстречу будущему? В конце концов, фантасты мы или кто? И разве не НФ – краеугольный камень здания Ее Величества Фантастики и его же «золотое сечение»?»

Первушин в 2010 году в журнале «Если» опубликовал повесть «Почтальон сингулярности», без сокращений увидевшую свет годом позже под изначальным названием «Вертячки, помадки, чушики». Начинается она очень обычно, ну что за «герой» директор интерната для детей с синдромом Дауна? Но тут на первый план выступает «тайна», затем проявляются интересный сюжет и идеи, выявляется достаточная психологическая достоверность, вызывающая эмоциональный читательский отклик. «Образец добротной НФ» – не напрасно так определил повесть в своем отзыве один из «фантлабовцев». Так бы и продолжать! Но вот повесть того же автора с многообещающим названием «Трансгалактический экспресс «Новая надежда» (2013) не только вторична, но и скучна, на настоящую НФ никак не тянет. Не зря же и «антология научной фантастики» (как ее обозначил составитель) «Фантум 2013», в которой она увидела свет, приписана в рецензии к «психологической», а не научной фантастике. Пусть даже рассказ Максима Тихомирова «Ad Infinitum, или Увидеть звезды и умереть» тот же Первушин представлял в Интернете не раз как образец современной НФ. «К звездам по трупам» – как же далека эта короткая история о «вселенской скуке» от канонов той старой советской НФ!

Сборник «Настоящая фантастика 2013» открывается очередной повестью Верова – Минакова «Отель для троглодита». Космическая авария, небольшая робинзонада, встреча с «черными ксенологами», попытки Контакта… Вроде бы и не ново, но все это использовано с умом. Термины, как реальные, так и выдуманные,

вполне к месту, да и гомеровские гекзаметры не мешают развитию острого сюжета. История о «квантовом запутывании сознаний» пилота грузовика Горнова и боевого искина класса «Стратег» получилась «на уровне мировых стандартов». «Дикси, и это не ругательство» – как в повести говорится. Да вот на конференции/конвенте «Басткон-2014», собравшей совсем неглупую компанию писателей, критиков и читателей, она была отмечена лишь дипломом, а две премии получила повесть из антологии «Z – значит зомби»…

К большому сожалению, «настоящей НФ» даже ее «возрожденцы» пишут немного. Сами они думают по-другому, но НФ-произведений, от которых у читателей фантастики может «снести крышу», у них всего… ничего. Может возникнуть «провокационный» вопрос – нужна ли НФ самим «возрожденцам»? А постольку-поскольку, как «недойная корова» в давно написанной Сергеем Михалковым «сказке»:

«А много ль корова дает молока? / – Не выдоишь за день – устанет рука… Но далее (после соответствующей пиар-кампании): Корову свою не продам никому / Такая скотина нужна самому!»

К сожалению, для «возрожденцев» и Ибатуллина читателю есть с чем сравнить их произведения. При падении интереса к НФ даже в англо-американском мире эти самые «тупые американосы» (цитата) по-прежнему пишут немало неплохих книг НФ, и их даже переводят на русский язык. Одна «Ложная слепота» Питера Уоттса (он, правда, канадец) чего стоит. «АСТ» издал все же – после семнадцатилетнего перерыва – еще две книги Грега Игана (он, правда, австралиец), автора настоящей современной научной фантастики! В отечественной же НФ замкнут порочный круг: читатели требуют – «Писать надо лучше!», в ответ получая – «Читать надо лучшее!»

Так что заканчивать придется на невеселой и непатриотической ноте. Несмотря на некоторое оживление за последние годы в нашем обществе интереса к науке и технике, нашей НФ «догнать» в обозримом будущем англо-американскую никак не получится. За плечами двадцать лет почти сплошного непонимания и непринимания. Показательный пример: исходя из того, что «основное предназначение фантастики – создание образных, метафорических моделей действительности», известный в свое время литературовед-фантастовед Всеволод Ревич «развенчал легенду о Беляеве» как основателе «так называемой советской научной фантастики». А некий (совсем неизвестный в «фэндоме») Андрей Кротков в «Литературной учебе» «поучал» несколько лет назад: «НФ мертва, ее время кончилось, ибо иссякли питавшие ее источники. Усопшего честно

пытаются оживить – и напрасно… НФ-методология теперь мертва. Так же, как мертвы принципы драматургии классицизма».

Получается, прав русский поэт с Гудзона Алексей Цветков: «НФ была тонкой мифологической прокладкой в подсознании. Сегодня она истончилась до прозрачности. В мире, где разочарование стало общим местом, трудно оставаться очарованным…»